Я отдергиваю руки, опять же, это было совсем не намерение.

Я помогаю ему сесть и лечь. Проходит немного времени, прежде чем его эрекция ослабевает и презерватив можно снять.

Подержав его в воздухе, я вижу, насколько полон резервуар.

"Теперь ты знаешь, как пользоваться презервативом, но тебе еще нужно поработать над своим контролем". Я похлопываю его по груди и ухожу.

"Приятных снов, Саймон".

В своей комнате я снова смотрю на использованный презерватив, почему-то я не решаюсь его выбросить. Это семя, семя моего сына, способное оплодотворить женщину и воспроизвести часть моего сына.

Такое ощущение, что у меня в руках сила жизни. Как будто я не могу мыслить здраво и не могу контролировать свои действия.

Я полностью раздеваюсь и ложусь на кровать. Я снова поднимаю презерватив и завороженно смотрю на его содержимое, прежде чем опорожнить его на свой живот.

Мои руки растирают его сперму по моим грудям, животу и бедрам, и, наконец, я старательно облизываю свои пальцы, оставляя во рту соленый привкус.

Когда я просыпаюсь, светит раннее солнце. Все еще жарко, ночь не охладила температуру. Сегодня суббота, и мне не нужно работать, но я все равно встаю.

Осознавая, что я голая, с засохшей спермой на мне, я не хочу ни мыться, ни одеваться и иду на кухню поесть.

Если мой сын увидит меня, то это будет хорошим уроком, чтобы привыкнуть к наготе и научиться контролировать свои порывы.

Выпив кофе и перекусив, я иду в сад, наслаждаясь солнцем. Птицы поют и летают в хвойной изгороди.

Стена в конце сада заросла плющом, и его листья шелестят под легким дуновением ветра. Сад не очень ухожен,

У меня не всегда есть на это время, но я наслаждаюсь им таким, какой он есть. Самое главное,

что он полностью окружен зеленой изгородью и стеной, а значит, очень уединенный.

Я почти допила свой кофе, когда услышала шум на кухне. Обернувшись, я увидела, что мой сын, одетый, стоит на кухне и готовит завтрак. Его рот открывается, и раздается удивленное "Оо".

"Я подумал, что тебе лучше привыкнуть к женской наготе, чтобы научиться контролировать себя. Кроме того, приятно свободно гулять в нашем солнечном саду".

С этими словами я поворачиваюсь и пропускаю его на кухню.

Я мажусь кремом от загара, но не решаюсь сделать это на тех местах, где на мне остались сухие семена. Но потом, с нелепой мыслью, лучше защитить эти пятна от семян дополнительным кремом от солнца.

Встряхнув головой, я понимаю, что мои защитные эмоции берут верх над здравым смыслом. Это не всегда хорошо.

Вдруг рядом со мной стоит мой сын, который тоже решил стать естественным. Хотя видно, что он не привык к ощущению свободы, и это заметно.

Я улыбаюсь и радуюсь, что, по крайней мере, ему больше не стыдно за свое видимое волнение.

"Я рада за тебя, что ты преодолел свой стыд. Теперь будет легче научиться контролировать себя. Чем больше ты будешь сталкиваться с наготой, тем легче тебе будет".

"Спасибо, мама, за совет". И он быстро чмокает меня в щеку.

"Можешь намазать мою спину кремом от солнца? Тогда я намажу твою".

Приятно и расслабляюще чувствовать его мягкие руки на моей спине. После этого мы молча сидим вместе на зелени, наслаждаясь нашей связью.

Время от времени я бросаю взгляд в сторону, замечая, что его мужское достоинство расслаблено. Поддразнивая его, я даю ему понять, в каком он состоянии, заставляя его снова возбудиться.

Я хихикаю и дружески поглаживаю его по спине.

"Полагаю, тебе еще далеко до того, как ты сможешь это контролировать".

Слышен звонок во входную дверь. "Кого-нибудь ждете?" спрашиваю я.

"Нет".

"Хорошо, я посмотрю, кто там". Я поднимаюсь наверх, чтобы надеть халат. Пока я спускаюсь по лестнице, звонок звонит во второй раз.

Открыв входную дверь, я с удивлением вижу мою подругу Терезу с чемоданом.

На быстром французском - она почти не говорит по-английски - она приветствует меня и объясняет свой ранний приезд. Ей повезло, что она успела на рейс на день раньше.

"Я хотела сделать сюрприз, но извините, если это вас перегрузит". Типичная Тереза, такая импульсивная и полная темперамента.

"Входите, входите, не беспокойтесь, мы сидели в саду".

"О, хорошо, я просто боялась, что застала вас в душе, увидев, что вы в халате".

"Эх, нет".

Тереза хмурится, потом понимает: "Наслаждаюсь солнцем в естественных условиях. Супер, отличная идея" и с громким смехом: "Позвольте мне присоединиться к вам в этой чудесной идее".

Начав раздеваться, она спрашивает: "А кто это "мы"? Это молодой Саймон? Приятно снова увидеть его после стольких лет. Он, должно быть, уже молодой человек, не так ли?".

Я киваю. "Позвольте мне подготовить его к вашему приезду", - и я поспешно отхожу от нее.

Когда я вхожу в сад, Саймон идет мне навстречу. Я быстро говорю: "Саймон, послушай, моя подруга Тереза уже приехала и присоединится к нам через минуту".

Но я вижу панику в глазах Саймона. Тереза уже идет в сад и, широко раскинув руки, говорит по-французски: "О, Саймон, мой мальчик, ты вырос с тех пор, как я видела тебя в прошлый раз".

Симон, все еще не привыкший к женской наготе, пытается скрыть свой дискомфорт за руками. Она стоит перед ним обнаженная, без стыда, и берет его за руки.

И с громким смехом: "Ах, и не только ты вырос, глядя на его твердый член. Я вижу, ты

прекрасный молодой человек".

И она беззаботно обнимает его, ничуть не смущаясь его физического возбуждения.

Затем она поворачивается ко мне, давая Саймону возможность убежать.

"Что ты стоишь там в халате? Ты хочешь, чтобы я стояла одна и наслаждалась солнцем au naturel?".

Потянув за мой халат, она помогает мне стянуть его, и мы стоим обнаженные лицом к лицу. Она загорела, за исключением белой области, которую обычно закрывает купальный костюм.

Разительный контраст, особенно на фоне ее черных волос на лобке.

Я ничего не говорю, пока она смотрит на меня, совсем не загорелого.

Она улыбается и говорит: "Полагаю, мужчина тебе больше не интересен, или ты делаешь заявление, будучи небритым?".

Я пожимаю плечами: "В любом случае, я чувствую себя более свободным, гораздо легче быть принятым таким, какой ты есть".

"Я рада за тебя", - она обнимает меня дружеским, но крепким объятием.

Мы садимся, я помогаю ей намазаться кремом от солнца, и вскоре мы уже обмениваемся новостями и воспоминаниями. Хотя прошло уже много лет с тех пор, как мы виделись, мы поддерживали регулярный контакт по телефону и электронной почте.

Поскольку Тереза плохо говорит по-английски, мы используем французский. Я втайне надеюсь, что Саймон захочет выучить немного французского за время пребывания Терезы у нас.

Проходит полчаса, когда Саймон осмеливается появиться с кофе и другими напитками, и я хвалю его за смелость. Он немного краснеет, и, чтобы успокоить его за комплимент, я объясняю ему, что Тереза понимает только по-французски. Тем временем Тереза улыбается и говорит по-французски "мерси" за угощение.

После его ухода Тереза говорит: "Я не знала, что вы увлекаетесь натуризмом. Ты никогда не проявлял к нему интереса, когда был во Франции, а здесь так много хороших пляжей, где люди наслаждаются этим".

Я знаю Терезу много лет как очень хорошего друга с очень открытой душой, поэтому я решаю

рассказать ей о Саймоне и моей попытке научить его нормальному сексуальному поведению по сравнению с тем, что показывают в порно.

Она выслушивает меня без предубеждения, как я уже знала, и я так восхищаюсь ею за это.

Затем она поражает меня, рассказывая: "Я была очень молода, когда у меня появился первый любовник. В то время он был нашим соседом, намного старше и вдовцом.

Он так много узнал о моем теле, о том, как женщина может возбуждаться и получать удовольствие разными способами без проникновения. Он страдал от импотенции, но он восполнял ее своим ртом и пальцами.

Так что теперь, когда я стала старше, я могла бы помочь Саймону узнать о сексуальных удовольствиях, если ты мне поможешь".

Я немного озадачен и сбит с толку на несколько мгновений, прежде чем спросить;

"Помочь тебе?"

Она улыбается: "Да, если ты хочешь, чтобы он выучил abc о сексуальных удовольствиях, тогда я должна рассказать ему, как это делается. А это значит, что мне нужен переводчик".

Против своей воли я краснею, прекрасно понимая, что это значит.

Мне хочется сказать "нет", но я вспоминаю свой первый опыт общения с мужчинами и то, каким разочарованием он был для меня как для женщины. Я бы не хотела этого для девушки, с которой мой сын может заняться сексом.

Спокойным взглядом она смотрит на мою борьбу. Она молчит, не оказывая на меня никакого давления. Я также думаю, насколько это щедрое предложение со стороны Терезы.

И я думаю о себе: неужели я настолько эгоцентрична, что откажусь от ее предложения, потому что это табу и моя тревога за своего помощника?

Но тогда зачем мне вообще было начинать его обучение?

Я киваю. "Хорошо, я сделаю себя вспомогательным звеном в вашей инициативе, если только Саймон согласится. Я поговорю с ним после обеда, но сначала давайте освежимся".

После обеда, когда я объяснил Саймону предложение Терезы, которое он охотно принял, мы все собрались в моей спальне.

В комнате приятная прохладная температура, несмотря на жаркую погоду на улице. Сквозь жалюзи проникает немного света, достаточно, чтобы все было видно в комнате.

Тереза лежит между нами на кровати и дает инструкции Саймону. Мне приходится переводить и рассказывать ему, как, согласно инструкциям Терезы, ласкать ее тело, пока она помогает нам, доводя себя до жара одной рукой между ног.

Он показывает свое возбуждение, густое возбуждение, и я боюсь, что он не сможет долго контролировать себя.

Тереза думает о том же и, имея гораздо больший опыт общения с мужчинами, дает мне указание мягко, но крепко сжать его яйца.

Объяснив Саймону этот прием, я крепко сжимаю его яйца в руке, чтобы блокировать предстоящее облегчение.

Он ворчит от дискомфорта в подреберье, но это помогает контролировать себя.

Свободной рукой я беру одну из его рук и направляю его ласки по телу Терезы.

Сначала по ее грудям, прощупывая их упругость, нежно сжимая сосок, чувствуя, как он твердеет под одобрительные стоны Терезы.

Проводит рукой вверх и вниз по ее животу, трогает и ощущает волосы на лобке, а когда Тереза отводит руку, она раздвигает ноги, позволяя продолжить исследование.

Тем временем на задворках сознания я все еще одурманен тем, что помогаю своему сыну готовить женщину к размножению.

Он двигает бедрами, пытаясь освободить яйца от моей хватки, но безуспешно.

Дыхание Терезы участилось, и я хочу, чтобы он смочил ее языком, но он не знает, что именно делать.

Я оттягиваю его назад за яйца, и наши головы оказываются близко друг к другу над ее щелью. Одной рукой я отодвигаю ее губы в сторону, чтобы показать ему крупным планом настоящую женщину.

Приподняв бедра, Тереза требует, но, несмотря на мои объяснения, как намочить ее, он колеблется, будучи в таком трепете перед сексом Терезы.

Я чувствую ее разочарование от безответных потребностей и, в качестве демонстрации для Саймона, начинаю облизывать ее, сначала вдоль половых губ, затем вокруг клитора, еще больше побуждая ее к полному возбуждению.

Саймон копирует меня, изучая вкус женщины. Каким-то образом мне удается надеть презерватив на его член, не освобождая надолго его яйца,

Схватив его голову руками, Тереза быстро тащит его на себя, едва давая мне время ввести его член в нее.

Оба громко хрюкают, как животные, она поднимает бедра, чтобы получить больше его, а Саймон толкается, как бык.

В них больше нет ничего цивилизованного, это превращается в звериное сырое спаривание с руками, похожими на когти, сжимающими и разжимающими все вокруг.

Я как будто не существую для них, и, освободив свои яйца, он кончает дважды, наконец-то сумев освободиться.

Тереза снова приподнимает бедра, чтобы поманить его для очередного толчка, но он уходит. Она удерживает его на себе, тихонько лаская его спину.

Я больше не нужен как помощник, я тихо ухожу.

Уже поздний вечер, когда Тереза спускается на кухню, где я занят готовкой. Она, должно быть, приняла душ, так как ее волосы еще влажные.

Мы обе голые и не стыдимся этого. На кухне жарко из-за готовки, и мне требуется все мое внимание, чтобы не поджечь еду до того, как она будет готова.

Вдруг я чувствую, что меня обхватывают руки: Тереза прислонилась к моей спине и смотрит через мое плечо, что я готовлю.

Я чувствую, как ее грудь прижимается ко мне, но я знаю, что это объятие не имеет ничего общего с сексуальностью, а скорее с близкой дружбой. Она шепчет: "Ммм, пахнет хорошо".

"Ты можешь приготовить стол?" спрашиваю я.

Саймон еще не спустился, и мы стоим, глядя в сад. В конце сада растут дикие цветы, и птицы влетают и вылетают из стены, увитой плющом.

Она повернулась ко мне: "Саймон что-то пробудил во мне. Боюсь, я жажду большего". Она улыбается и смотрит на меня.

Рукой она поднимает одну из моих грудей, и я чувствую электрический разряд, когда палец касается соска. Я почти стыжусь, чувствуя разочарование, когда она убирает руку.

"Когда ты в последний раз трахалась? Тебе тоже нужен мужчина для твоих нужд".

Я усмехаюсь в ответ. "Когда Саймон был так молод, мне не нужен был партнер, а теперь я не хочу связывать себя обязательствами с кем-то. Я счастлива быть свободной, хотя признаю, что трахаться приятно".

Затем мы слышим, как Саймон спускается по лестнице. Он уже оделся, но когда увидел нас голыми, сказал;

"Ладно, я понимаю, что мне лучше вернуться и раздеться, нагота теперь норма".

"Стыдиться нечего, и без одежды в такую жаркую погоду гораздо лучше, ты не находишь?" говорю я.

Наконец мы садимся и ужинаем, состоящим из картофельного салата с морковью, луком, яйцами и специями. Вместе с хорошим белым вином это очень вкусно.

Во время еды я замечаю, что Саймон время от времени наблюдает за нами и смотрит на нашу грудь.

Я ничего не говорю, так как предполагаю, что он сравнивает наши тела и переваривает различия с куклами барби, которых он видел в порножурналах и фильмах.

Терезу это совершенно не волнует, она с голодухи пирует салатом после путешествия и последующего ожесточенного спаривания.

Я даю им указания на французском и английском, чтобы они убрали посуду, пока я поднимаюсь наверх, чтобы привести себя в порядок и принять душ.

Еще не дойдя до своей комнаты, я слышу, как они смеются и брызгаются водой, как маленькие дети.

К моему удивлению, моя комната убрана, кровать аккуратно застелена свежим бельем и никаких следов занятий любовью.

В ванной тоже чисто, что облегчает мне жизнь, когда я сама принимаю прохладный душ. Я едва успеваю выйти из душа, как Тереза и Саймон поднимаются наверх, держась за руки.

Саймон уже даже не скрывает своего возбуждения, когда Тереза требует меня по-французски, чтобы я помогла им на следующем занятии по сексуальному воспитанию.

Я ложусь рядом с ними, с гордостью наблюдая, как мой сын использует ранее полученный урок, делая Терезу готовой к размножению.

Пока он прощупывает ее языком и пальцами, чтобы обеспечить желанное влажное проникновение, я крепко сжимаю его яйца, чтобы он не расслаблялся.

Оглядываясь вокруг в поисках необходимой защиты, я не нахожу ее. Тереза нетерпелива и возбуждена, но все же знает, что я ищу, и понимает мою дилемму.

Она отодвигает Саймона в сторону и позиционирует себя так, чтобы быть установленной по-собачьи, обеими руками обнажая свою задницу, ее палец указывает и трогает ее задницу.

Я не даю Саймону сразу же войти в ее дырочку, крепко держа его в руке. Я боюсь за Терезу, которой придется принять член Саймона, поэтому я смачиваю два пальца во рту, прежде чем прощупать и подготовить ее дырочку.

На удивление, она легко открывается, должно быть, она привыкла к анальному проникновению, но, глядя на толстый стержень моего сына, я не успокаиваюсь.

Я делаю то, что никогда не думала, что буду делать с сыном, я быстро беру его кончик в рот, смачивая его, надеясь, что это позволит избежать неудобного монтажа для Терезы.

Затем, свободной рукой я направляю его смоченный кончик в ее открытую попку.

Оба рычат и стонут, Саймон от удовольствия, Тереза сначала от дискомфорта, а затем медленно от наслаждения.

Как только я освобождаю его яйца, он сразу же кончает. Я ласкаю его спину, пока он лежит с опорожненными яйцами на спине Терезы.

Через несколько мгновений он выскользнул из нее. Тереза лежит на боку между нами, спиной ко мне, когда я замечаю маленькую струйку спермы, стекающую по ее ягодице.

Я не могу удержаться и наклоняюсь, слизывая с ее ягодицы детородную сперму моего сына. Тереза поднимает голову и с любопытством смотрит, что я делаю. Наши глаза заперты, пока она инстинктивно не понимает, чего я хочу.

Рукой она приподнимает ягодицу, чтобы мне было удобнее. Стараясь слизать всю сперму, я подхожу ближе к ее отверстию.

Она пытается сокращениями попы вытолкнуть сперму наружу, а я, не обращая на это никакого внимания, вылизываю ее и даже пытаюсь просунуть язык в ее отверстие. Я просто не хочу, чтобы сперма моего сына пропала зря.

Соленый вкус смешивается с сухой колючей изюминкой попки Терезы.

Когда я просыпаюсь, уже за полночь. Я чувствую спокойное регулярное дыхание Терезы, когда лежу к ней спиной. Тихо встаю и замечаю, что рука Терезы защитно задрапирована на теле моего сына.

Оба не прикрыты и мирно спят. Я испытываю чувство гордости: мой сын, уже мужчина, но еще так молод.

Я оставляю их спящими, спускаюсь вниз и вхожу в сад.

Ночь темная, но не настолько темная, чтобы я не мог видеть окружающее.

Мягкий теплый ветерок шелестит хвойными ветками и листьями деревьев, создавая звук, похожий на шепот. Птицы все еще молчат, их время петь еще не пришло. Сам сад

не очень ухожен, участки песка переплетены с травой. Сзади растут дикие цветы, и для меня это похоже на рай.

Вчера вечером я почувствовала себя исключительно матерью. Здесь, на улице, в теплой ночи, с теплым ветерком на моей коже, я начинаю чувствовать себя женщиной.

Как будто ветерок дразнит и ласкает меня, иногда исчезает, иногда дует на меня сильнее.

Я стою с широко расставленными ногами, предоставляя бризу свободу действий, и, благодаря тишине и уединенности сада, я позволяю себе расслабиться.

Ласки ветерка возбуждают меня, и я начинаю мокнуть, как самка в жару. Напряжение нарастает в подреберье и груди, мои соски твердеют.

Мое дыхание становится неровным, я беспокойна и иду вдоль хвойных деревьев, ветви которых касаются меня, словно проверяя мою готовность. Я дохожу до стены из плюща, мои руки

прикосновение к листьям порождает звук, похожий на шепот. Они как будто одобряют

близость самки. Я поворачиваюсь и наклоняюсь вперед, так что щупальца плюща

ищут и трогают меня.

Я издаю тихие стоны, как брачный призыв, в надежде привлечь пару. Прошли годы с тех пор, как мужчина овладел мной.

Я опускаюсь на руки и колени, несколько раз выгибаю спину, стону громче, надеясь на ответ.

Сквозь хвойные ветки видна пара глаз, я ползу к ним, но узнаю соседского кота.

Я ложусь на спину, подтягиваю колени, предлагая себя здесь любому желающему меня породить. Я извиваюсь на песке, трогая себя.

Сильные сокращения живота заставляют меня вздрагивать и задыхаться.

Раннее солнце будит меня, и мне требуется мгновение, чтобы понять, где я нахожусь. Птицы поют, и я слышу шорох на деревьях, вероятно, это любопытные белки.

Я встряхиваю головой, чтобы освободить волосы и тело от песка. Идя в дом, чтобы принять душ, я размышляю о том, что принесет новый день для волнений.

http://erolate.com/book/12/79